

Whichever films are chosen by the instructor, the process of presentation will be similar. Careful and repeated previewing will lead to development of a list of relevant vocabulary and phrases, and scenes will need to be identified for purposes of illustrating the issues to be discussed and elements where cross-cultural communication (or failure to communicate) take place. Elements of the films that depict cultural features that would seem odd or unusual to Russian students should be targeted for extended discussion. If the full film is to be shown, this should be done in segments, with opportunities for class discussion and clarification taking place at regular intervals. Passive watching and listening are to be avoided in favor of active participation by students.

If properly introduced, and if the class is well prepared, each of these films should provide a vehicle to enhance the intercultural understanding that must necessarily form the basis for effective communication between individuals from different communities. Students will deepen their understanding of the culture depicted in the films, use that depiction as a vehicle to enhance understanding of ways in which their own culture may differ from that of others, and gain exposure to and experience in employing language forms and dialects other than the standard forms found in the traditional classroom.

К ПРОБЛЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

(драматический монолог «Можно любить и так» Роберта Браунинга)

О.В. Балашова

Белгород

На сегодняшний день понятие «перевод» трактуется очень широко, оно давно уже вышло за рамки лингвистики и теории перевода, все больше проникая даже в несмежные с ними науки, такие как программирование, культурология, кибернетика, психология и др. Поэтому в каждом конкретном случае это понятие требует уточнения и терминологического определения. В данной работе речь пойдет о художественном стихотворном переводе. Несмотря на увеличивающееся число книг, посвященных теоретическим вопросам перевода и интенсивный рост количества самих переводов, в силу разных причин целый ряд авторов, среди которых английский поэт викторианской эпохи Роберт Браунинг (1812-1889), один из родоначальников жанра драматического монолога в поэзии, оказался в числе «непереводимых».

Поэзия Браунинга остается не только до сих пор по достоинству не оцененной российским читателем, но даже почти ему неизвестной. Переводили его в России мало, в то время как на родине его называют «вторым Шекспиром». В журналах и сборниках появлялись переводы отдельных стихотворений, и лишь в 1981 году вышел сборник стихотворений Браунинга в переводе С. Маршака, М. Донского, Ю.Корнеева, В. Левика и др. В 90-х годах XX века положение стало изменяться: имя Браунинга все чаще стало появляться на страницах литературных изданий и интернет-сайтов, выходят в

свет новые переводы, среди них «Токката Галуппи» и «У огня» В. Кокотова, «Встреча в ночи» и «В гондоле» С. Шаталова и др.

Данная работа представляет собой сравнительно-сопоставительный анализ переводов стихотворения Браунинга «Можно любить и так» (One way of love) (1855), относящегося к любовной драматической лирике, в исполнении И. Топорова и автора статьи.

Герой монолога «Можно любить и так» старается завоевать любовь равнодушной к нему Полины, и каждая строфа стихотворения – это тщетная попытка привлечь ее внимание. Монолог выполнен самым распространенным в английской системе стихосложения четырехстопным ямбом с использованием двух видов рифмы: каркас составляют смежные мужские рифмы, а в последних двух строках каждой строфы они дополняются внутренней рифмой:

All June I bound the rose in sheaves	a	— V — V — V — V
Now, rose by rose, I strip the leaves	a	— V — V — V — V
And strew them where Pauline may pass	b	— V — V — V — V
She will not turn aside? Alas!	b	— V — V — V — V
Let them <u>lie</u> Suppose they <u>die</u> ?	c	c — V — V — V — V
The chance was they might take her <u>eye</u>	c	c — V — V — V — V

В переводе В. Топорова вышеперечисленные формальные признаки сохраняются, за исключением качества рифмы, а также отсутствия рифмы внутренней:

Венки из роз я плел в июне,	a	— V — V — V — V
Но понял, что сплетал их втуне	a	— V — V — V — V
И распустил их, раскидал	b	— V — V — V — V
На тропке, где Полину ждал	b	— V — V — V — V
И не пришла Что ж, зря старался?	c	— V — V — V — V
Нет! Не пришла, но шанс остался	c	— V — V — V — V

В предлагаемом переводе автора статьи формальные задачи соответствия оригиналу решаются идентичным образом:

Июнь из роз я плел венки	a	— V — V — V — V
Теперь срываю лепестки	a	— V — V — V — V
Полина там могла пройти,	b	— V — V — V — V
Но не пройдет уже? Увы!	b	— V — V — V — V
Им здесь <u>лежать</u> Иль <u>умирать</u> ?	c	c — V — V — V — V
А может взгляд ее <u>искать</u> ?	c	c — V — V — V — V

Хотя формальные признаки и выступают в качестве значимого эмотивного компонента, акцент все же делается на вычленении концептуального смысла, то есть системы образов художественного текста в единстве со способами выражения.

Прежде, чем приступить к концептуальному анализу самого монолога, следует остановиться на толковании и переводе названия «One way of love». В подстрочнике это означает «один из видов или способов любви». В.Топоров предлагает перевод «Можно любить и так», в семантике которого чувствуется определенная степень иронии, и все же он отражает название подлинника, особенно если соотнести это с тем фактом, что в творчестве Браунинга есть стихотворение «Another way of love», буквально означающее

«другой вид любви», по аналогии с предыдущим стихотворением его можно перевести «Можно любить иначе» Таким образом, вариант Топорова представляется оптимальным и так же как оригинал, допускающим многозначность толкования.

Рассматривая драматический монолог «Можно любить и так» как единое целое, в каждой строфе его образующей можно выделить ключевое слово/слова. В первой строфе таковым является слово «rose»/ «роза», которое встречается три раза и составляет одно из звеньев попытки героя завоевать расположение Полины: *All June I bound the rose in sheaves./Now, rose by rose.* В каждом из представляемых переводов эта деталь воспроизводится достаточно точно: Венки из роз я плел в июне [Пер. Топорова]; Июнь из роз я плел венки [Пер. автора статьи]. Но старания героя оказываются напрасными, и он обрывает с роз лепестки, сожалея о том, что Полина их даже не увидит, при этом он, казалось, еще не утратил надежды на ее приход. Об этом свидетельствует восходящая вопросительная интонация слов «*She will not turn aside?*» и ниспадающая интонация разочарования и отчаяния после них: «*Alas!/Let them lie*». В переводе Топорова это выражается следующим образом: «И не пришла... Что ж зря старался?/ Нет! не пришла», то есть видоизменяется расстановка пауз, но это вовсе не изменяет смысловые акценты. И, хотя на семантическом уровне перевод отражает логику действий оригинала, переводчик оперирует при этом не всегда удачно подобранным лексическим инструментарием: так абсолютно неоправданно употребление устаревшего наречия «втуне», когда автор выражает тщетность стараний героя, так как в подлиннике нет и намека на архаичность лексических форм. Творческое решение автора статьи связано с воспроизведением расстановки пауз, восходяще-ниспадающей интонации и семантического концепта оригинала, но и оно не лишено недостатков, так не удалось избежать повтора слов «пройти»: «Полина там могла пройти./ Но не пройдет уже? Увы!// Им здесь лежать».

Во второй строфе смысловое ударение падает на слово «lute»/ «лютня», которое открывает новую тему в стремлении героя завоевать любовь Полины, и снова его усилия разбиваются о хладнокровие его возлюбленной, выражаясь в той же форме, что и в первой строфе – восходяще-ниспадающей интонации, отражающей очередную неудачу. Топоров последовательно следует избранному им стилю в интерпретации подлинника, сохраняя интонационный рисунок пауз и логических акцентов. Но и здесь он не в силах избежать употребления архаизмов: в данном случае это слово «исторгнуть» вместо «*I venture all I know*» в подлиннике. Помимо этого в его интерпретации герой оказывается «безбожно врал» прежде, чем «исторгнуть дивный звук», тогда как в первоисточнике он всего-навсего «*strove to suit/ These stubborn fingers to the lute!* старался заставить/ свои упрямые пальцы слушаться, чтобы заиграть на лютне». Так же, как и в переводе Топорова, автор статьи сохраняет ключевую значимость слова «лютня», интонационный повтор подлинника находит отражение в адекватном повторе переводного текста:

Немало месяцев играл я
На лотне и безбожно врал я,
Но вот исторгнул дивный звук...
Полине – слушать недосуг,
Что ж, понапрасну я учился?
Нет, просто случай не случился
[Пер. Топорова]

В последней строфе драматического монолога заключается развязка всего сюжета. Здесь можно выделить несколько ключевых слов, реализующихся на разных уровнях: переживания героя, выражающиеся в двойном противопоставлении рая и ада, а на уровне всего стихотворения – в противопоставлении слов «всю жизнь учился я любить» и заключительных слов стихотворения, утверждающих блаженство того, кому доступен рай. Перевод этой строфы наиболее удачен у обоих переводчиков, несмотря на то, что и здесь Топоров прибегает к устаревшему слову «молвила», смешивая реалии двух языковых культур и превращая Полину в героиню народных сказок.

Всю жизнь мою на изученье
Любви потратил я в мученье
Но вот сказал ей: Ад иль рай?»-
«Ад», молвила она. «Прощай!»
Я, и отвергнутый, уверен.
Прекрасен рай, что мной потерян!
[Пер. Топорова]

Таким образом, концептуальный стержень драматического монолога «Можно любить и так» составляет не просто безответная любовь героя к Полине, а собственно, характер самой личности героя. Его страстная, трепетная любовь – это авторский способ показать благородство, надежность и преданность героя. В этом и заключается особенность драматической любовной лирики Браунинга. Переводчики постарались адекватно передать образную систему оригинала в ее единстве со способами выражения, руководствуясь возможностями русского языка, иногда жертвуя при этом отдельными деталями.

Значение этих переводов трудно переоценить, так как они открывают российскому читателю до недавнего времени почти неизвестное ему имя популярного в Англии и за ее пределами поэта XIX века Роберта Браунинга, знакомят с прославленной им формой драматического монолога и приобщают, таким образом, к западно-европейской культуре викторианской эпохи, способствуя таким образом диалогу двух культур.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА В РАМКАХ КОРОТКОГО ЗАКОНЧЕННОГО ТЕКСТА

Р.Е. Богачёв
Белгород

Рассматривая такую лингвистическую сущность, как языковая картина мира, мы должны подойти к её исследованию с двух сторон. Мы можем рассматривать картину мира как с точки зрения традиционной лингвистики, т.е.